

Списание "Анамнеза" брой 14, 2012 г.

**За да разлиствате страниците,
посочете с мишката върху долния
десен ъгъл.**

**Можете или да ги обръщатете веднага,
чрез натискане, или да ги разгръщате
бавно, като истинска книга, държейки
натиснат бутона на мишката.**

Приятно четене!

[Свали в PDF](#)

БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЭПИРСКОГО ЦАРСТВА В 1204-1261 ГГ.

С.А. Денисов

События Четвертого крестового похода, завершившегося в 1204 г. взятием крестоносцами Константинополя, положило начало новой эпохи в истории Византийской империи. На землях некогда единого государства появились несколько независимых центров, крупнейшим из которых стала Латинская Романия, первоначально включавшая территории Фракии, Македонии, Фессалии, Пелопоннеса. Ему противостояли три греческих государства, образованных на месте бывших провинций империи: Никейская империя в Малой Азии, Трапезундская империя в Причерноморье и Эпирское царство на западе Балканского полуострова. Данные государства, возглавляемые потомками династий Комнинов и Ангелов, повели борьбу с латинскими

рыцарями за освобождения земель, а также – между собой за роль нового византийского императора.

Особую роль в этой борьбе сыграло Эпирское царство. Благодаря дипломатии и военным кампаниям его правителям удалось к 1230-м гг. расширить свою территорию. В состав государства вошли территории Фракии, Македонии, Фессалии, о-ва Корфу и Кефаления. В 1224 г. эпирский правитель Феодор I Дука (1215-1230) освободил от власти латинян Фессалонику, где он был торжественно коронован в 1227 г. Однако развить успех эпирскому правителю не удалось: в 1230 г. он потерпел поражение от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218-1241/1242) в битве при Клокотнице. Земли, завоеванные Феодором I были утрачены, сам император оказался в плену. Позднее его племяннику, Михаилу II Дуке (1246-1267) удалось вернуть часть земель в Македонии. Однако, вступив в борьбу с никейскими императорами Феодором II Ласкарисом (1254-1258) и позднее – с Михаилом VIII Палеологом (1258-1261), он потерпел поражение в битве при Пелагонии. в 1259 г. и отказался от претензий на восстановление Византии под своей властью.

Вследствие представленного значения для политической истории Византии, Эпирское царство привлекает к себе пристальное внимание. Прежде всего, возникает вопрос о том, какова была та модель общества и государства, которая претендовала на роль главенствующей в империи. Ответ на него даст представление о том, что находилось за претензиями

эпирских правителей и позволит говорить об их политике, как, помимо прочего, о развитии определенного общественно-политического направления в византийских владениях. Частью данной проблемы является вопрос о том, какую роль в жизни эпирского общества играли различные социальные группы.

Одной из таких групп стала высшая аристократия. Представители двух крупных родов, Малиасинов и Петралифов, благодаря родственным связям с правившей в Эпире династией Дук, а также крупным владениям на Балканском полуострове, занимали высокое место в эпирском общества: они возглавляли крупные области, командовали отдельными военными отрядами, находившимися в составе армии царства¹. Как представляется, можно говорить о дальнейшем развитии в Эпире процесса, характерного для Византии в XI-XII вв., который заключался в том, что политическая элита состояла из представителей нескольких крупных аристократических родов². Данное обстоятельство,

1 Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави прве половине XIII века (1204-1261) - Глас САНУ. Отд. истор. наука, кн. 5, 1986, с. 131-175; Bredenkamp H. *The Byzantine Empire of Thessalonike (1224-1242)*. Thessalonike, 1995, p. 177-188.

2 Каждан А.П. *Социальный состав господствующего класса в Византии XI-XII вв.* Москва, 1974. С. 259-260; Литаврин Г.Г. Византийская империя во второй половине VII-XII вв. - В: *Культура Византии. Вторая половина VII-XII вв.* Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. Москва, 1989, с. 32; Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI-начало XIII в.) - В: *Восточная Европа в древности и Средневековье. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти.* Отв. ред. И.Г. Коновалова. Москва, 2004, с. 193; Haldon J. *Social Elites, Wealth and Power* - In: *A social history of Byzantium*. Ed. J. Haldon. Wiley-

обусловленное также этнической неоднородностью элиты Эпира³, усиливало существовавшее ранее значение брака как инструмента консолидации правящей элиты⁴. Однако вместе с тем существовал ряд факторов, которые оказывали дестабилизирующее воздействие на брачные узы. Во-первых, это распад малой семьи, и как следствие эмансипация женщин и развитие квазисемейных отношений (филии), что наблюдалось в Византии в XI-XII вв.⁵ и получило дальнейшее развитие в Эпирском царстве⁶. Во-вторых, это развитие процесса

Blackwell, 2009, p. 192-193.

3 Ангелов Д. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи - *Byzantinoslavica*, 12, №1-2, 1951, с. 63; Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи - В: *История Византии*. Под ред. С.Д. Сказкина, т. 3, Москва, 1967, с. 43-44; Magdalino P. Between Romaniae: Thessaly and Epirus in the Later Middle Ages - In: *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204*. Edited by B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989, p. 92; Osswald B. The Ethnic Composition of Medieval Epirus - In: *Imaging frontiers, contesting identities*. Ed. by S.G. Ellis, L. Klusáková. Pisa, 2007, p. 144-145.

4 Runciman S. Women in Byzantine aristocratic society - In: *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries*. Ed. by M. Angold. Oxford, 1984, p. 15; Вин Ю.Я. Обычное право и знать в изображении Димитрия Хоматиана - В: *Элита и этнос Средневековья*. Отв. ред. А.А. Сванидзе. Москва, 1995, с. 256.

5 Каждан А.П. Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1081-1261) - In: *XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports*. Т. 1: Histoire. Athens, 1976, с. 21-22.

6 Prinzing G. Socialgeschichte der Frau im Spiegel der Chomatenos-Akten - In: *XVI Internationaler Byzantinisten Kongress (Wien, 4-9 Oktober 1981)*. Hrgb. von H. Hunger. Т. 2, hbd. 2, Wien, 1982, S. 457-459; Angelomatis-Tsougarakis H.N. Women in the society of the dеспотате of Epirus - In: *XVI Internationaler Byzantinisten Kongress (Wien, 4-9 Oktober 1981)*. Hrgb. von H. Hunger. Т. 2, hbd. 2, Wien,

децентрализации, также активно происходившем в XI-XII в.⁷, выразившееся в обособление отдельных провинций под властью представителя высшей аристократии⁸.

Каким образом сочетались данные факторы с тем, значением, которым обладали брачные узы, как способ консолидации политической элиты? Ответ на этот вопрос позволит, как представляется, лучше понять специфику отношений, существовавших в среде эфирской знати. Для решения поставленной проблемы необходимо, как представляется, обратить внимание на положение и роль женщин, представлявших крупные аристократические семейства Мелисинов, Малиасианов и Петралифов, вышедших замуж за эфирских правителей.

При изучении данных аспектов используем просопографический анализ, представляющий собой способ характеристики социальных групп на основе исследования персонального статуса их представителей.

1982, p. 473, 477; Laiou A.E. Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIème siècle. 1984 – In: Idem. Gender, Society and Economic Life in Byzantium. V. Adelshot, 1992, p. 283, 317-318; Фержанчич Б. Просопографска белешка о Теодору I Анђео – *Зборник Филозофског факултета*. Т. XVIII-а, с. 105-106.

⁷ Успенский Ф.И. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии – *Известия Академии Наук СССР. Отд. обществ. наук. Сер. VII*, №4, 1931, с. 455-470; Ahrweiler H. *L'idéologie politique de l'empire Byzantin*. P., 1975. P. 90; Удальцова З.М. Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071-1261): Социально-экономические аспекты проблемы – In: *XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports*. Т. 1: Histoire. Athens, 1976. С. 4-36.

⁸ Ангелов Д. Указ. соч., с. 63-64; Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 44-45; Prinzing G. Studien zur Provinz und Zentralverwaltung im Machtbereich der epirotischen Herrscher Michael I und Theodoros Dukas – *Ηπειρωτικά χρονικά*. №25, 1983, S. 96.

Данный метод, уже давно используемый в историографии применительно к предшествующему периоду⁹ и более позднему времени¹⁰, а также к хронологическим и географическим рамкам нашей темы¹¹.

Всего известно четыре представительницы рассматриваемых родов:

1) Мелиссина. Жена Сенахирима, управлявшего областью Эпира в начале XIII в. После установления власти Михаила I Дуки стала его женой. Род Мелиссинов занимал должности в гражданской администрации в XII в., известны также как землевладельцы в районе Малой Азии в XIII в.¹². Несколько представителей известно как землевладельцы в Фессалонике и на о. Кефаления¹³. Вероятно, что род Мелиссинов находился в той же ситуации, что и многие другие аристократические семейства, представители которых были рассеяны в разных областях Византии и впоследствии оказались на территории новых государств, возникших после 1204

⁹ Каждан А.П. Указ. соч.; Breyer A., Fassoulakos St., Nicol D.M. A Byzantine family: the Gabrades – *Byzantinoslavica*, 1975, 36, p. 38-45; Бартиякян Р.М. К византийской просопографии. Μονοσημίται: Кто они? – В: *Αντίδωρον: Сборник статей к 75-летию Г.Г. Литаврина*. Отв. ред. И.С. Чичуров. Санкт-Петербург, 2003, с. 40-46.

¹⁰ *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Erst. von E. Trapp. Wien, 1976-1996.

¹¹ Polemis D.I. *The Doukai. A Contribution to the Byzantine prosopography*. London, 1968; Фержанчич Б. Указ. соч. С.131-175.

¹² *Oxford dictionary of Byzantium*. Ed. by A.P. Kazhdan, A.-M. Tallbot. Vol. 2. Oxford, 1992, p. 1335; *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Nr. 17812, 17825.

¹³ Ibid. Nr. 17796, 17797.

г.¹⁴

2) Мария Дукиня. Происходит из рода Петралифов. Жена Феодора I Дуки. К ней было обращено четыре письма Навпактского митрополита Иоанна Апокавка.

Рассмотрим данные письма подробнее. Мотивы рассматриваемых писем: 1) красота и благородство правительницы, 2) правитель как воин, освободитель ромейских земель от латинян, 3) легитимность власти правителя. Последние два мотива полностью совпадают с теми мотивами, которые были выделены нами при анализе писем Навпактского митрополита к Феодору I и Вселенским патриархам.

При анализе содержания писем следует обратить внимание на тот факт, что Мария Дукиня рассматривается как равноправный участник брака с правителем, представляющий его власть. Практически правительница рассматривается как своего рода «единое целое» с мужем. Об этом наглядно свидетельствуют как обсуждение с Марией политических дел¹⁵, так и фраза митрополита о том, что и муж, и жена правят в Фессалонике¹⁶.

Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что представления об императрице находились в рамках универсалистской идеи, подразумевавшей статус супруги, как «единого целого» с василевсом¹⁷. При

14 Аналогичный случай представляет семейство Вранов: Breyer A., Fassoulakos St., Nicol D.M. Op. cit, p. 39-40.

15 Пападопуло-Керамевс А.И. *Noctes petropolitanae*. Санкт-Петербург, с. 262-263.

16 Там же, с. 278.

17 Garland L. *Byzantine Empress: Women and power in Byzantium (527-1204)*. London, 1999, p. 2.

этом следует отметить, что в контексте специфического устройства царства, данный брак способствовал, прежде всего, усилению рода Петралифов в социально-политической структуре общества. Представители рода становятся, благодаря этому браку, лицами наиболее приближенными к правителю и обладающие при этом значительным политическим авторитетом. Однако данный («региональный») аспект никак не был отмечен в рассматриваемом источнике.

3) Феодора Петралифина (впоследствии – св. Феодора). Жена Михаила II Дуки. Пыталась провести собственную политическую линию, направленную на сближение с Никейской империей. Была сослана мужем в Арту, где приняла монашеский постриг. Позднее – была причислена к лику святых¹⁸.

По мнению А.Е. Лайу, политическая активность Феодоры Петралифины определялась двумя факторами: гендером, налагавшим законодательно закрепленные ограничения на общественную активность женщины и принадлежностью к той или иной социальной группе, в одном из случаев (принадлежность к аристократии) наоборот, позволявшей женщинам участвовать в управлении. При этом в качестве наиболее важного фактора автор отмечает принадлежность к социальной группе¹⁹. Позднее исследовательница отметила, что положение Феодоры в монастыре значительно

18 Polemis D.I. Op. cit, p. 166; *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Nr. 5664.

19 Laiou A.E. Addendum to the report on the role of women in byzantine society – In: Idem. Op. cit. Ia, p. 202-203.

отличалось от положения многих монахинь XI-XII вв., имевших аристократическое происхождение, тем, что происхождение Феодоры стало одной из базовых основ ее жизни в монастыре²⁰.

При анализе статуса Феодоры Петралифины следует обратить внимание на то, что, являясь супругой Михаила II, претендовавшего на константинопольский престол и использовавшего титул «моя царственность», Феодора представлена в житии как представительница конкретного рода – Петралифов и значительно отличается по своим качествам от супруга (прежде всего, благочестием)²¹. Данная характеристика отличает представления о Феодоре Петралифине от того, как была изображена в письмах Мария Дукиня (Петралифина). Отличие заключается в «обособленности» Феодоры от мужа, выражающейся как в указании на родовую принадлежность, так и в указании на ее особые качества.

На наш взгляд, изменения в статусе супруги правителя связано не столько с особенностями источников (эпистолярное наследие и житие), сколько с теми идеями, которые они поддерживали. Если для писем Иоанна Апокавка характерно превалирование универсалистской монархической идеи, то для жития, составленного Иовом – превалирование регионализма. Данная ситуация отражает, как представляется, общую политическую ситуацию, заключающуюся в усилении

²⁰ Idem. Observations on the life and ideology of Byzantine women. – In: Idem. Op. cit. p. 101.

²¹ Job monachi Vita St. Theodoraе – In: *Patrologia Graeca*. Ed. J-P. Migne. Vol. 127. Paris, 1864. Coll. 902-907.

центробежных сил в царстве в период 1230-1261 гг.

При анализе семейных отношений Михаила II и его жены, описанных в житии св. Феодоры, обращает на себя внимание проявление квази-семейных связей: эпирский правитель вступает в любовную связь с Гангреной, представительницей аристократии Арты²². Сходные отношения поддерживали также: Димитрий Дука, вступивший в любовную связь с замужними аристократками Фессалоники²³, а также Мария Петралифина, сестра Феодоры²⁴, прельстившая Константина Хаварона, архонта Албании²⁵. В последнем случае обращает на себя внимание тот факт, что архонт Албании был прельщен в том числе любовными письмами аристократки. Наличие писем «любовной тематики», посвященной квази-семейным отношениям наглядно свидетельствует, на наш взгляд, о дальнейшей переработке данной социальной информации, заключавшейся в переосмыслении прежних устоев семейной жизни и приравнивание рассматриваемых отношений к законным.

4) дочь архонта Тарона (имя неизвестно), выданная замуж за Иоанна Дуку, внебрачного сына Михаила II. По свидетельству Георгия Пахимера она стала причиной

²² Mpalaska E., Oikonomou A., Stylios Ch. Women of Epirus and their social status from ancient to modern times – In: http://www.womanway.eu/studies/files/economy_teiep_en.pdf

²³ Georgii Acropolitae Opera. Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart, 1979. 46.

²⁴ Ibid. 42; Αραβαντινος Π. Χρονογράφια τῆς Ἠπείρου. Ἰωάννινα, 1856, σ. 70.

²⁵ Acrop. 68. Αραβαντινος Π. Op. cit, σ. 75.

раздора между сыном эфирского правителя и ахайским князем Гийомом II дэ Виллардуэном²⁶.

Другую группу составляют представительницы династии Дук, выданные за представителей крупных аристократических родов. В целом, их не так много, так как в основном они были выданы замуж за правителей соседних стран, а это уже относится к функциям брака как инструмента внешней политики²⁷. Речь идет о Марии Дукини, дочери Михаила I²⁸, выданной замуж за Константина Малиасина, семейство которого владело землями в Фессалии и было ктиторами монастыря св. Иллариона²⁹. Константин Малиасин известен также как участник посольства Михаила II к Иоанну III Дуке Ватацу³⁰.

В целом, в период 1204-1261 гг. наблюдаются

26 Georges Pachymérès. *Relationis historiquae*. Ed., introduction et notes par A. Failer. Trad. française par V. Laurent. Vol. I. Paris, 1984, I, 30-31; Αραβαντινός Π. Op. cit, σ. 82.

27 Tinnfeld F. Byzantinische auswärtige Heiratspolitik vom 9. zum 12. Jahrhundert. Kontinuität und Wandel der Prinzipien und der praktischen Ziele – In.: *Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990*. Ed. by V. Vavřínek. Prague, 1993, S. 21-28.

28 Polemis D.I. Op. cit, p. 42.

29 *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Ed. F. Miklosich et I. Müller. Vol. IV. Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis. T. 1. Vindobonae, 1871, S. 378; Соколов И.И. Крупные и мелкие властели в Фессалии - *Византийский временник*. 1923-1926, 24, с. 36; Ферјанчић Б. Поседи породицы Малиасина у Тесалији - *Зборник радова Византолошког института*. 9, 1966, с. 33-48; Polemis D.I. Op. cit, p. 142-144; *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Nr. 16523; Морозов М.А. *Монастыри средневековой Византии*. Санкт-Петербург, 2005, с. 84.

30 Асроп. 49.

различные формы участия женщин в политике, различные позиции представительниц аристократических родов, обусловленные развитием внутреннего устройства царства. В период централизации и консолидации правящей элиты (при Феодоре I, в 1215-1230 гг.), представления о значении брачных уз находятся в рамках традиции, существовавшей в XI-XII вв.: супруга принимает патроним мужа, представляется в источниках как «единое целое» с супругом. Позднее – в период ослабления центральной власти и роста регионального сепаратизма, указанные представления меняются: муж и жена не всегда рассматриваются как «единое целое», подчеркивается отличие супруги, заключающиеся в происхождении или нравственных качествах. Указанная ситуация была обусловлена также развитием квази-семейных отношений: сожительства и адюльтера, затронувших правящую династию в период 1230-1261 гг. Дестабилизирующее влияние данных факторов на брачные узы, призванные консолидировать правящую элиту, говорят о кризисе данного института как инструмента политики эфирских правителей в 1240-1260-е гг. В некоторых случаях, наблюдался противоположный эффект: родственники правителя получали, благодаря брачным узам, еще большую автономию (как в случае с Малиасинами). С другой стороны, квази-семейные отношения, все более признаваемые как законные, как раз способствовали консолидации аристократии. Так, обращение Михаила II Дуки к сожительству с Гангреной можно связать с его ориентацией на знать Арты, из-

за того, что его владения в Фессалии и Македонии сокращались; земельная аристократия данных областей переходила на сторону никейского императора.

Таким образом, можно говорить о том, что матримониальные связи сохранили, в целом, свое значение как факторы консолидации правящей элиты, однако при этом понятие брачных уз было значительно расширено за счет приравнивания к ним квази-семейных отношений. В результате этого «политическое» значение матримониальных связей снизилось. Данная ситуация была обусловлена как процессами, происходившими в византийском обществе в XI-XII вв., так и политической ситуацией в царстве, требовавшей в условиях децентрализации, укрепления связей с обособленной элитой той или иной области.

Можно ли говорить в связи с этим о существовании клана Дук, состоявшем из представителей трех крупнейших родов царства: Дук, Петралифов и Малиасинов? На наш взгляд, такое утверждение вполне возможно, но в этом случае необходимо подчеркнуть, что этот клан значительно отличался от клана Комнинов. Во-первых, клан носил сугубо региональный характер, объединяя три рода, представители которых обладали наследственными правами на подвластную территорию. Во-вторых, клан обладал значительно более рыхлой структурой, обусловленной его формированием в условиях децентрализации и соответственно – расширением матримониальных связей и ослаблением их значения как фактора, консолидирующего политическую элиту.

MARRIAGE RELATIONS IN THE CIRCLE OF POLITICAL ELITE OF THE PRINCIPALITY OF EPIRUS IN 1204-1261

S.A. Denisov

Matrimonial communications in the circle of ruling elite of the principality of Epirus have the value as consolidation factors. However the concept of conjugal ties was expanded at the expense of equating with them of quasi-family relations. As a result “political” value of matrimonial communications has decreased. The given situation has been caused as the processes occurring in the Byzantine society in XI-XIIth centuries, and the political situation in the principality, demanding in the conditions of decentralization strengthening of relations with isolated elite of this or that area. Thereof clan formation in Epirus has not received definitive registration in the “classical” variant of Comnenos clan. Family relations in Doukas clan have not led to its full consolidation that has led to occurrence of its friable structure.